

ЭССЕ

Всеволод Багно

КОРОЛЬ-СОЛНЦЕ

Михаила Яснова представлять не нужно. А вот любить его и думать о нем — обязательно. Попробуем.

Он всегда и везде был светел и лучезарен. Но особенно — когда вокруг были дети. Кто не видел, каким он был с детьми, не знает, что такое «Король-Солнце». Однако одной лучезарности — мало.

Для всех, кто любит Мишу и кто о нем думает, дар, которым он был наделен, не может не напоминать тот великий дар, который был описан Достоевским в его речи о Пушкине. Пожалуй, наиболее зримое воплощение он нашел в автопортретах Пушкина. На одних из них поэт предстает в облике старика, в других — в облике женщины. Мы видим Пушкина в образе деятелей Великой Французской революции, дворцового лакея, монаха, «арапа», безумца, горца, украинца, с полным лицом и с волосами «под горшок». Есть автопортрет, стилизующий сходство с Вольтером, и, наконец, есть Пушкин в образе жеребенка.

Однако ошибочно было бы полагать, что речь идет только о перевоплощениях и протезизме. И в случае с Пушкиным, и в случае с другими, родственными ему в этом отношении художественными натурами, речь идет о редкой способности одновременно видеть себя в чужом и чужое в себе. И в быту, и в творческих поисках художникам этого типа одинаково интересно создавать свою версию того, что является всеобщим достоянием, или вбирать в свое творчество то, что является вершинными творениями человечества, наделив его особенностями своего мировидения.

Говоря о Михаиле Яснове, следует добавить, что этот дар двоякого свойства проявляется также во «всевозрастной отзывчивости»,

Всеволод Евгеньевич Багно

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург
vsbagno@gmail.com

в способности видеть чужое (детское) слово в себе и свое (взрослое) в ребенке.

Миша признавался (и, видимо, не раз) в том, что он включает некоторые полубившиеся ему «детские речения» в свои тексты. Что уж говорить о «взрослом» чувстве и понимании мира, которым пронизаны стихи детского поэта Яснова.

Яснову доступны и радости и «печалести», и взрослые и детские, и русские и заморские. Приведу несколько взятых наугад строк из нескольких взрослых и детских, оригинальных и переводных стихотворений Михаила Яснова:

Как-то я гулял в лугах.
Вижу —
Свинка в облаках!

В синеве, за дальней далью
Тает розовой клубничкой. . .
Понял я
С большой печалью,
Что болеет
Свинка
Птичкой.

Вот как я семью нарисовал:
Мама — круг,
А бабушка — овал,
Папа — треугольник,
Младший братик —
Этот замечательный квадратик.
Как же я себя изображу?
По бумаге пёрышком вожу,
То туда вожу им,
То обратно я —
Получилось что-то непонятное:
Уголки,
Неровные края. . .
Мама, неужели это я?

Мой стих железа крепче — ни аллюром
Стремительным летящие года,

Ни ярость вод, подвластных Диоскурам,
Его не уничтожат никогда.
Окончен срок великого труда,
И в смертный час, мои сомкнувший веки,
Не весь Ронсар исчезнет без труда,
Всем лучшим он останется навеки.

Я грезой обожжен и вымыслом пропах,
Горячим, как помет из голубятни сонной;
Лишь сердце иногда, отряхивая прах
Былого, зашумит кроваво-желтой кроной.

Эти пальцы, бегущие по моему лицу,
как по книге для слабовидящих: я порос
азбукой Брайля. В пустом лесу
по пенькам узнается будущее. Мороз
продирает по коже, и впрямь спирает в зобу
от известных эмоций: нужное — назови.
Эти пальцы читают будущую судьбу,
ищут образ, тебе уготованный для любви.
Я не гоюсь в модели: я слишком сам.
И по тому, что нащупаешь там, внутри,
вылепить что-нибудь равное небесам
вряд ли можно вслепую. Но ты смотри.

Трудно себе представить, что это написано, сотворено, выстрадано одним и тем же человеком.

В 2010 г. в издательстве «Вита Нова» вышла книга Яснова «Амбидекстр. Стихи. Переводы». Нетрудно догадаться, что в ней мы можем обнаружить некоторую часть оригинальных «взрослых» стихов поэта, а также его художественных переводов. Однако в нем отсутствует по крайней мере третья (если не главная) из важнейших граней таланта Яснова — детская поэзия. Смириться с этим можно, лишь вспомнив, что как в оригинальном, так и переводном творчестве Яснов работал и продолжает работать и как взрослый поэт, и как детский.

Неизбежно возникает вопрос — в равной ли степени владеет любимый нами поэт двумя, а, точнее, тремя руками? Как известно, проблематичным, равно как и двуязычие, являются и в полной мере

равноценное владение двумя руками. Мне, как природному левше, это хорошо известно. Никогда не забуду, как все мы, первоклассники одной из школ в Риге, должны были на уроке чистописания под диктовку записывать какие-то слова, а затем украшать эту страницу тетради орнаментом. И я всегда сдавал тетрадь первым, так как, будучи полупереученным левшой, правой рукой коряво писал слова, а левой одновременно, чтобы не терять времени, рисовал цветочки. В полном смысле амбидекстром я, конечно, не был, но до сих пор пишу и ем правой рукой, а во многих других, в том числе боевых, случаях использую левую руку, как более ловкую и сильную.

Не думаю, что есть на земле более симпатичная амбидекстрия, чем та, которая уже на протяжении полувека радует нас в Михаиле Яснове.

В идеале амбидекстр должен писать не слева направо или справа налево с одинаковой скоростью и эффективностью, а делать то и другое одновременно, и при этом одинаково успешно. И руки, и гусиные перья должны в какой-то момент в каком-то месте встретиться. Точка встречи — и есть этот человеческий и творческий тип.

Несколько упрощая, можно сказать, что Яснов-детский поэт отражает светлое, взрослый — темное, а переводчик отражал, что попадалось, при этом, отчасти, — как захотелось.

Задорная, шаловливая и озорная муза детского поэта и горькая, безрадостная и трагическая муза взрослого, как негатив и позитив одного и того же фотографа — именно это ощущение выносишь из стихов, оригинальных и переводных, с одной стороны, и детских, с другой, одного и того же поэта — Михаила Яснова. Отчасти об этом его следующее горькое, пронзительное стихотворение:

Умер бомж. Как сидел на пеньке в саду,
так и умер. Теперь он сидит в аду
на своем пеньке, при своих бобах.
В рай его не возьмут — слишком скверно пах.
Как взирает с небес кто живет в раю,
нам известно. А этот глядит в свою
то ли щель, то ли прорезь, во тьме таясь.
Что он видит сверху? Только пыль да грязь.
Видит корни пенька на своем дворе,
две чужие подошвы — дыра к дыре,
да бутылки, подобранной рядом, дно,
как дневное — сквозь толщу воды — пятно.
И когда наклоняется сверху тот,

кто ревниво бутылку свою блюдет,
 этот, снизу, глядит сквозь невидный лаз
 на явившийся в горлышке бледный глаз.

Художественный перевод, святое ремесло, оставляет у поэта горький осадок: в каком-то смысле, переводчик, переводящий погонные метры стихов, — стрелочник, который переводит всю жизнь никому из пассажиров невидимые стрелки.

Возможен ли художественный перевод — загадка. Можно, конечно, гадать, но можно пойти по другому пути — довериться Яснову, который был верен принципу: «Переводить французских детских поэтов с оглядкой на русских детей, что я и делаю по сей день».

Среди относительно недавних стихов Миши есть и такое стихотворение, более чем жесткое, о неизбывном одиночестве поэта, и о взрослой, и о детской, и об оригинальной, и о переводной поэзии, которая как «лезвие ножа, как сгусток водной глади», в котором

буковки плывут, вослед друг другу глядя, —
 бессонные пловцы, заложники клейма...

которые бессильны помочь от тоски и смерти.

Символического смысла исполнено стихотворение «Этот юноша с седыми волосами», с переходом «недопереученного левши» из детства во взрослую жизнь, но если этот юноша с седыми волосами к тому же поэт, то:

Все не клеится, не тянется, не шьется,
 Расползается под пальцами канва.
 Вот ему и остается, что дается,
 Что латается: слова, слова, слова.

Замечательно стихотворение:

Мы живем в обратной перспективе —
 все, что к детству, ярче и острее.
 в этой жизни многое красивей,
 Чем узнали мы из букварей.
 Замечательно и поучительно, ибо:
 Эка хитрость — лечь и не проснуться!
 Нет, проснуться и увидеть, как
 с теплой сыроежки, словно с блюда,
 птица пьет, смакуя, натошак.

Действительно, — «эка хитрость», ибо истинно Божий дар — увидеть мир и внутри, и вокруг, глазами не ребенка и не взрослого, не Верлена, и не Яснова, а и взрослого, и ребенка, и Верлена, и Яснова. За дар Яснову — благодарен он сам. А вот за дар Яснова — благодарны мы ему.

Как-то в интервью Дмитрию Темкину Миша сказал: «Устарел Маршак. Не то, чтобы невероятно, но здорово. Устарели школьные стихи Михалкова и Барто. То есть, исчезло то общество, которое их питало. Исчезли постулаты общества, на которые были ориентированы эти стихи. У Чуковского же все в языке. И сейчас, когда я работаю с молодыми детскими писателя, то я им говорю, хотите остаться в литературе, делайте акцент на язык. И вообще мне кажется, что это относится не только к детским писателям. И к переводчикам. И к взрослым писателям. Если ты работаешь внутри языка, то, во-первых, это невероятно интересно, а, во-вторых, это некий залог твоей будущей жизни». Как нельзя кстати попалось стихотворение самого Миши Яснова (переводившего Рене де Обальдиа):

«Щебечущий шегол ошипывал щавель», —
Вот, чады,
Лучший стих,
Написанный досель.
Прислушайтесь, как бьется сердце, трепеща:
Ще, ши, ща,
Е, и, эль...
Щебечущий шегол ошипывал щавель!

Мы часто, говоря о том, кого любим, думаем и о себе, и почти всегда проговариваемся. Михаил Яснов, дитя, поэт и переводчик, всегда прежде всего работает внутри языка, работает гениально! Завершить мысль (подсказываю — о великой будущей жизни) мы можем хором.